

На правах рукописи

Едалина Анна Александровна

**СЕМАНТИКО-МОТИВАЦИОННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ЛЕКСИЧЕСКОГО МНОЖЕСТВА
«КАЧЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ЧЕЛОВЕКА ПО ОТНОШЕНИЮ К СОБСТВЕННОСТИ»
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург
2016

Работа выполнена на кафедре русского языка и общего языкознания
Федерального государственного автономного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Березович Елена Львовна

**Официальные
оппоненты:** **Коновалова Надежда Ильинична**, доктор
филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Уральский государственный
педагогический университет», профессор
кафедры общего языкознания и русского
языка;

Тихомирова Александра Васильевна,
кандидат филологических наук, ГБОУ ВПО
«Уральский государственный медицинский
университет», старший преподаватель кафедры
иностранных языков

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный
университет»

Защита состоится 7 апреля 2016 г. в 11-00 на заседании
диссертационного совета Д 212.285.15 на базе ФГАОУ ВПО «Уральский
федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал заседаний
диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте
ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет им. первого Президента
России Б. Н. Ельцина», <http://dissovet.science.urfu.ru/news2/>

Автореферат разослан “___” _____ 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук,
доцент

Е. Е. Приказчикова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена изучению лексики русских народных говоров, репрезентирующей представления о качествах человека, которые проявляются по отношению к собственности: скупости, жадности, расточительности, бережливости и щедрости. Исследуемый фрагмент картины мира интересен тем, что в нем сочетаются представления о личностных свойствах человека, о его взаимодействии с другими членами социума, складывающемся на имущественной основе, об этике таких отношений и даже (косвенно) об экономическом состоянии того сообщества (в данном случае крестьянского), в котором эти отношения формируются.

Предлагаемое исследование, нацеленное на реконструкцию традиционных представлений о мире, отраженных в диалектном языковом идиоме, может быть отнесено к работам этнолингвистического направления в том его «узком» понимании, при котором язык, по выражению А. Ф. Журавлева, «трактуются как “естественный” субстрат культуры, <...> служащий инструментом ментального упорядочения мира и средством закрепления этнического мировидения»¹. В современной славистике данное направление представлено трудами Н. П. Антропова, М. Белетич, С. М. Беляковой, Е. Л. Березович, Т. Н. Бунчук, М. М. Валенцовой, Т. И. Вендиной, Л. П. Дроновой, А. Ф. Журавлева, И. Б. Качинской, Н. И. Коноваловой, Л. Я. Костючук, Д. Младеновой, С. Е. Никитиной, А. А. Плотниковой, И. А. Подюкова, С. П. Праведникова, И. И. Русиновой, И. А. Седаковой, С. М. Толстой, Н. И. Толстого, А. Т. Хроленко, О. А. Черепановой, А. В. Юдина, Е. И. Якушкиной и др.

Отнесение работы к этнолингвистическому направлению определяет семантико-мотивационный ракурс анализа изучаемого пласта лексики, поскольку мотивационная основа номинации, а также семасиологическая организация лексического множества являются ценными источниками этнокультурной информации. Данный подход успешно применялся ранее во многих работах уральских этнолингвистов (к ним причисляет себя и автор настоящего исследования), среди которых А. К. Матвеев, Е. Л. Березович, М. Э. Рут, О. В. Атрошенко (Моргунова), Е. Д. Казакова (Бондаренко), К. С. Верхотурова, Ю. Б. Воронцова, М. А. Еремина, Ю. А. Кривошапова, Т. В. Леонтьева, К. В. Пьянкова (Осипова), И. В. Родионова, А. В. Тихомирова, Л. А. Феоктистова, Е. В. Шабалина и др.

Площадкой для этнолингвистической интерпретации интересующей нас лексики стала такая традиционная единица анализа, как лексико-семантическое поле. Необходимо прокомментировать принятое в работе название изучаемого поля — «Качественная характеристика человека по отношению к собственности». Использование в нем описательной конструкции связано с тем, что для обозначения смыслов, входящих в поле, в

---

¹ Журавлев А. Ф. Славянская этнолингвистика в работах Н. И. Толстого (Предисловие редактора) // Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 9.

русском языке не существует родового именованя. Между тем «вряд ли отсутствие общего, родового термина свидетельствует об отсутствии соответствующей реалии во внеязыковом плане культуры»². Общность исследуемых характеристик человека — *скупой, жадный, расточительный, бережливый* и *щедрый* — не вызывает сомнений, поскольку все они являются: ▪ качественными, так как связаны с устойчивыми свойствами характера, которые обуславливают типичные способы поведения и виды деятельности индивида по отношению к собственности и не зависят от таких объективных показателей, как размер собственности или способ ее приобретения³; ▪ «интерпретационными» — даются сторонним наблюдателем в соответствии с его субъективным взглядом на ситуацию и базируются на имплицитных представлениях о нормативном поведении по отношению к собственности; ▪ «интерактивными», поскольку отношения собственности возникают при условии существования как минимум двух субъектов собственности, которые либо вступают во взаимодействие по поводу неких материальных благ, либо составляют пару по типу «деятель — наблюдатель, дающий оценку», следовательно, принадлежат к сфере социальной деятельности человека; ▪ выявляют отношение человека преимущественно к своей собственности. Соответствующие слова входят в корпус лексики с оценочным компонентом семантики, соотносятся с рядом этических категорий, их значения квалифицируются в соответствии с признаковой шкалой «хорошо — плохо», «дóлжно — не дóлжно». Наличие этого понятийного и категоризационного единства является одним из существенных факторов, позволяющих присвоить лексике с исследуемыми значениями статус лексико-семантического поля.

Объект нашего исследования — диалектные и общенародные лексические и фразеологические единицы русского языка, содержащие в семантике признак «качественная характеристика человека по отношению к собственности».

Выбор объекта обусловлен тем, что отношение человека к собственности в традиционной культуре подвергается оценочной интерпретации и является основой для создания ряда качественных характеристик человека, имеющих множественное выражение в языке. Исходя из этого, представляется возможным говорить о высокой значимости данных смыслов для народного сознания.

В качестве **предмета** исследования избрана семантическая и мотивационная организация лексико-семантического поля «Качественная характеристика человека по отношению к собственности».

---

² Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М., 1991. С. 190.

³ Ср., например, характеристики *богатый* и *бедный*, содержащие указание на размеры и ценность объекта собственности, *вор* и *грабитель*, указывающие на способ приобретения собственности.

Целью работы является этнолингвистическая интерпретация русской диалектной лексики, отражающей представления о качествах человека, которые проявляются по отношению к собственности.

Достижение намеченной цели предполагает решение следующих **задач**: 1) выявить пласт русской диалектной лексики, дающей качественную характеристику человека по отношению к собственности; 2) проанализировать структуру лексико-семантического поля «Качественная характеристика человека по отношению к собственности», установить его границы, описать связи со смежными полями; 3) определить мотивационные модели, лежащие в основе изучаемых лексем и фразем; 4) систематизировать модели в рамках выделенных предметно-тематических кодов; выявить закономерности появления данного набора кодов; 5) охарактеризовать семантическое и мотивационное своеобразие изучаемого лексико-семантического поля с социокультурных позиций; 6) опираясь на мотивационные параллели, осуществить семантическую реконструкцию слов и выражений, «непрозрачных» с мотивационной точки зрения.

Для выполнения поставленных задач использовались такие **методы и приемы**, как метод семантико-мотивационной реконструкции лексико-фразеологического материала, полевый анализ, ономазиолого-этимологический анализ, идеографическая классификация, компонентный анализ лексических значений, интерпретация контекстной семантики, а также приемы лингвостатистики.

Материалом исследования стали в основном лексические и фразеологические единицы, функционирующие в русских народных говорах. Языковые факты извлекались из различных диалектных словарей, при этом были охвачены как наиболее масштабные сводные собрания русской диалектной лексики («Словарь русских народных говоров», «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля), так и ряд завершенных региональных словарей («Новгородский областной словарь», «Словарь говоров Русского Севера», «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей», «Словарь русских говоров Среднего Урала» и т. д.). Обработаны и диалектные фразеологические словари («Фразеологический словарь русских говоров Сибири», «Большой словарь русских поговорок», «Словарь псковских пословиц и поговорок», «Фразеологический словарь пермских говоров», «Пословицы русского народа» В. И. Даля и др.). Поскольку в отечественной лексикографии наиболее полно описаны севернорусские говоры, большую часть материала составляют бытующие в них слова и выражения.

В диссертации используются также данные неопубликованных полевых картотек Топонимической экспедиции Уральского федерального университета по территории Русского Севера и Верхнего Поволжья. Автор диссертации принимал участие в работе экспедиции в 2001–2003 гг.

К рассмотрению в исследовании выборочно привлекается общенародная лексика, зафиксированная в словарях современного русского литературного языка. Для анализа отбираются те общенародные лексические

единицы, которые обнаруживают мотивационное сходство с диалектными словами и фразеологизмами.

Укажем, что лексика, содержащая в семантике признак «качественная характеристика человека по отношению к собственности», уже оказывалась в поле зрения отечественных и зарубежных лингвистов. Мотивационно-этимологической интерпретации некоторых русских слов с семантикой отношения к собственности посвящены работы Ж. Ж. Варбот, В. В. Виноградова, И. Г. Добродомова, И. П. Петлевой. В ряде исследований осуществлен контрастивный анализ лексики, реализующей культурно-языковой концепт «отношение человека к собственности» в разных языках (Е. В. Бабаева, Н. Г. Голембовская, Цуй Цзин). Описанию концептов «скупость» и «щедрость» по данным русского литературного языка уделяется внимание в работах С. Н. Долевца, Н. В. Семенович.

Однако разработку этой темы нельзя признать завершённой: большинство исследований выполнено на материале русского литературного языка и не затрагивает лексическую репрезентацию круга соответствующих понятий в русских народных говорах. Таким образом, **актуальность** настоящей диссертации определяется значимостью реконструкции традиционных представлений о качествах человека, которые проявляются по отношению к собственности, по данным диалектной лексики, а также отсутствием в современной русистике этнолингвистических исследований по данной теме.

Научная новизна работы состоит в том, что пласт русской диалектной лексики, содержащей семантический признак «качественная характеристика человека по отношению к собственности», впервые стал объектом семантико-мотивационной реконструкции и этнолингвистической интерпретации. Определены смысловые доминанты, структурирующие изучаемое лексико-семантическое поле; выявлены мотивационные признаки, лежащие в основе изучаемой лексики; сделаны выводы об этнокультурном своеобразии семантики и мотивации анализируемых слов. В научный оборот введен новый лексический материал, предложены толкования для ряда «темных» лексем и фразеосочетаний.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что в ней выявлено семантико-мотивационное своеобразие обширной группы лексики, характеризующей личные качества человека, которые имеют социально-экономическую подоплеку; апробирован алгоритм анализа мотивационной структуры лексико-семантического поля, на основании которого произведена реконструкция фрагмента народной языковой картины мира.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты и выводы диссертации могут быть использованы в учебных курсах по русской диалектологии, этнолингвистике, ономастологии, семантике, этимологии.

Положения, выносимые на защиту:

1. Русская диалектная лексика со значением качественной характеристики человека по отношению к собственности образует лексико-

семантическое поле, которое включает в себя пять подполей: «Скупость», «Жадность», «Расточительность», «Бережливость» и «Щедрость».

2. Каждое подполе может быть структурировано на основании базовых сем «признак», «носитель признака», «действие», «признак действия» и «качество, называемое по признаку»; это позволяет утверждать, что за изучаемой лексикой стоят определенные ситуации по овладению собственностью. Различия в количестве лексических репрезентаций базовых сем в подполях свидетельствуют о неодинаковом восприятии и осмыслении номинатором этих ситуаций: в тех случаях, когда прототипические ситуации являются в большей степени социально опосредованными (скупость, жадность, щедрость), внимание номинатора сосредоточено на субъекте собственности, а в тех случаях, когда ситуации менее «социализированы», — на действиях субъекта.

3. Выделяется семь тематических кодов различной продуктивности, лежащих в основе лексики со значением скупости, жадности, расточительности, бережливости и щедрости: «Деятельность / действия», «Человек», «Еда», «Предметный мир», «Мифология», «Животные», «Движение». Первые четыре из перечисленных кодов являются наиболее продуктивными.

4. Тематические коды в исследуемых полях отражают некую стереотипную прототипическую ситуацию, представляя ее компоненты: субъект, объект, предикат, обстоятельство и атрибутив. Обязательными для ситуации, в которой проявляется то или иное отношение человека к собственности, следует признать компоненты субъект (код «Человек»), объект (код «Предметный мир», частично код «Еда») и предикат (код «Деятельность / действия»). Компоненты обстоятельство (код «Еда») и атрибутив (коды «Мифология», «Животные», «Движение») имеют статус дополнительных, уточняющих.

5. Анализ мотивационных признаков, положенных в основу изучаемой лексики и фразеологии, позволяет выявить значимые для каждого лексико-семантического подполя идеи: для подполя «Скупость» наиболее релевантны идеи единоличного владения собственностью и проявления активной позиции скупца по отношению к собственности; для подполя «Жадность» — идея агрессивного захвата собственности; для подполя «Расточительность» — идеи чрезмерности и нарушения целостности / уничтожения чего-либо; для подполя «Бережливость» — идеи умеренности и сохранения собственности; для подполя «Щедрость» — идея социальной ориентированности субъекта собственности.

6. Выявление закономерностей мотивации, присущих изучаемой лексике, дает возможность предложить мотивационные решения для ряда «темных» лексем и фразеологизмов (ленингр. *горсковáтый* ‘скупой’, пск. *давать пить с клю́хи* (кому) ‘скупиться на угощение’, арх. *за́рáзный* ‘любящий мотать, прогуливать деньги; живущий одним днем’ и др.).

Апробация работы. Основные положения исследования были изложены автором в докладах на I и II Международных научных

конференциях «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург, 2009, 2012), а также на VI Межвузовской конференции молодых исследователей «Языки традиционной культуры» (Москва, 2004). По теме исследования опубликовано 10 работ, 3 из них — в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Степень достоверности результатов определяется достаточным объемом проанализированного лексического материала (более 1500 лексических и фразеологических единиц); использованием адекватных поставленным целям и задачам методик анализа, которые позволяют осуществить этнолингвистическую интерпретацию избранного лексического массива; привлечением трудов по мотивологии, этимологии, семантике, диалектной лексикологии, связанных с проблематикой исследования.

Структура работы. Предлагаемое исследование состоит из введения, двух глав, заключения и приложения. Общий объем работы — 256 страниц, из которых 194 страницы составляет основной текст.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **ВВЕДЕНИИ** обосновывается актуальность избранной темы, дается краткий обзор касающейся ее литературы, характеризуется материал и принципы его отбора, обозначаются объект, цель и основные задачи исследования, описывается структура работы.

В **ПЕРВОЙ ГЛАВЕ «Семантическое своеобразие лексико-семантического поля “Качественная характеристика человека по отношению к собственности”»** осуществляется анализ семантической организации изучаемого поля.

В **первом параграфе** «Лексико-семантическое поле “Качественная характеристика человека по отношению к собственности” на фоне макрополя “Отношение человека к собственности”» определяется место изучаемого поля в структуре «материнского» макрополя, выявляются особенности, отличающие его от других лексико-семантических множеств, выражающих представления об отношении человека к собственности.

Макрополе «Отношение человека к собственности» отражает многогранную ситуацию действительности (помимо описываемых в работе, к ней можно отнести сценарии присвоения чужого, займа, вложения, сбыта, дарения, жертвования и др.), однако три компонента в ней неизменны и обязательны: субъект собственности (как правило, одушевленное лицо, способное к сознательным действиям), объект собственности (необходимыми качествами которого являются его конкретность, материальность, принадлежность кому-либо) и действия субъекта по отношению к объекту. Эта логическая структура ситуации отношения к собственности лежит в основе членения макрополя на секторы, один из которых, описывающий субъекта собственности, составляет изучаемое поле «Качественная характеристика человека по отношению к собственности». Кроме него, в макрополе входят секторы «Характеристика объекта

собственности» (здесь представлены слова со значениями 'имущество, хозяйство', 'богатство, зажиточность', 'бедность, нищета' и др.) и «Действия субъекта по отношению к собственности» ('тратить, расходовать', 'присваивать чужое', 'воровать', 'вымогать, попрошайничать' и т. п.). Распределение языковых фактов по этим секторам происходит в соответствии с тем, какой из компонентов ситуации оказывает определяющее влияние на их значение.

Во **втором параграфе** «Семантические связи поля "Качественная характеристика человека по отношению к собственности" с другими единицами макрополя» рассматривается логика расширения значений исследуемых лексических единиц. Так, лексемы и фразеологизмы, характеризующие субъекта собственности, вступают во множественные семантические связи с элементами двух других секторов макрополя. Наиболее очевидна их корреляция с лексикой, содержащей характеристику объекта собственности, и это взаимодействие объясняется логически: отношение к собственности во многом обуславливает ее отсутствие либо наличие. Этот «вещественный» результат зависит от направленности действий человека в отношении собственности: от себя (щедрый, расточительный) и к себе (бережливый, скупой, жадный). Бережливый, скупой, жадный человек, как правило, богат, а расточительный и щедрый — беден, ср. орл. *сумáч* 'богатый скупой человек', волог. *богáтый-рогáтый* 'зажиточный, но скупой и нелюдимый' а также краснояр., волог., твер. *расхóжий* 'щедрый, добрый' — «Я ведь расхожий, потому у меня и денег нет никогда». Другое свидетельство близости этих секторов — явление полисемии, когда одна лексема используется для выражения значений, входящих в разные секторы: *крéпкий* 1) онеж., волог. 'богатый, независимый', 2) влад., моск., твер., пск., иркут. 'бережливый, скупой'; *кромá* 1) без указ. м. 'богатый, зажиточный человек', 2) волог., казан., влад., нижегор. 'жадный, завистливый человек'.

Семантические связи с сектором «Действия субъекта по отношению к собственности» организованы по импликационному принципу. В значениях слов отражаются представления об определенных видах действий, присущих тому или иному типу субъекта собственности: жадному — присвоения, скупому — накопления, бережливому — экономии, щедрому — раздавания, расточительному — растраты (ср. тул., курск. *отбúхать* 'расщедрившись, дать кому-либо много, отвалить', моск. *разбуслáть* 'растратить, промотать что-либо').

В задачи **третьего параграфа** «Семантический анализ общенародной лексики, входящей в поле "Качественная характеристика человека по отношению к собственности"» входит рассмотрение семантики общенародных лексем *скупой, жадный, щедрый, бережливый* и *расточительный* — основных выразителей смыслов, присущих единицам исследуемого поля. В результате анализа семантической структуры этих слов установлено, что все они имеют в качестве основного значение, характеризующее человека в связи с его отношением к собственности, могут

развивать переносные значения, приложимые к человеку, но не связанные со сферой собственности (*жадный* перен. ‘страстно стремящийся к чему-либо, неудержимый в стремлении удовлетворить какое-либо желание’, *скупой* перен. ‘умеренный в чем-либо, сдержанный в проявлении чего-либо’), а также описывать другие объекты действительности (ср. *скупой дождь*, *щедрая земля*, *расточительный судебный процесс*). Рассматриваемые лексемы содержат в составе значения оценочный компонент: характеристики *скупой*, *жадный*, *расточительный* сопровождаются отрицательной оценкой, а *бережливый*, *щедрый* — положительной.

Прокомментировано разграничение смыслов, присущих лексемам *скупой* и *жадный*. Основное семантическое различие видится в разнонаправленности «векторов» действий скупого и жадного человека: скупой не желает отдавать свое, жадный хочет взять себе как можно больше. Ярче всего это проявляется в синонимах, привлекаемых лексикографами для дефинирования данных слов: *жадный* определяется через прилагательное *корыстолюбивый* (‘скупой, корыстолюбивый’), а *скупой* — через прилагательное *бережливый* (‘чрезмерно, до жадности бережливый’). При этом *корыстолюбивый* (‘стремящийся прежде всего к личной выгоде, стяжательству, наживе; любящий корысть’) и *бережливый* (‘осмотрительно и осторожно расходующий что-л.; расчетливый, экономный’) не синонимичны. То же характерно и для производных глаголов *скупиться* и *жадничать*, которые часто не могут быть взаимозаменяемы.

Другая зона, в которой обнаруживается смысловая неравнозначность *жадного* и *скупого*, — «количественная» характеристика явлений, определяемых при помощи этих слов. Слово *скупой* используется для передачи семантики недостаточности (ср. *скупой на слова*, *скупая улыбка*), а *жадный* — для выражения семантики избыточности (*жадный на работу*).

Четвертый параграф озаглавлен «Семантическая структура поля “Качественная характеристика человека по отношению к собственности”». Поле «Качественная характеристика человека по отношению к собственности» состоит из пяти лексико-семантических зон (подполей): «Скупость», «Жадность», «Расточительность», «Бережливость», «Щедрость». Самыми «разработанными» могут быть признаны подполя «Скупость», «Жадность», «Расточительность»: они включают 544, 285 и 426 лексических единиц соответственно. Подполя «Бережливость» и «Щедрость» занимают более скромное место и содержат 248 и 78 лексических единиц соответственно.

Все подполя могут быть структурированы на основании выделения у лексем, их составляющих, категориальных сем. Это семы «признак» (волог. *люто́й* ‘жадный, алчный’, влад. *несчётливый* ‘щедрый’), «носитель признака» (пск., твер. *про́рва* ‘мот, расточительный человек’, пск., смол. *мухомо́р* ‘скупой человек’), «действие» (влад., ворон., яросл. *иссо́рить* ‘истратить, растратить (деньги)’, арх. *ро́стить* ‘копить, сберегать’), «признак действия» (перм. *в завя́зку* ‘расчетливо, экономно, понемногу’, калуж. *воберу́чи* ‘с жадностью, алчно’) и «качество, называемое по признаку»

(иван. *захáптистость* 'жадность', волог. *легостáйство* 'расточительность'). В подполях «Расточительность» и «Бережливость» появляется шестая сема — «объект (траты или сбережения)» (пск., твер. *наблюдéнье* 'то, что сохранено, скоплено', пск. *бумáжки как птáшки* 'о быстро растрачиваемых деньгах'). Такая семантическая конфигурация подполей позволяет говорить о том, что отражаемые в них явления запечатлены в сознании носителя языка в виде ситуаций.

В параграфах 1.4.1., 1.4.2., 1.4.3., 1.4.4. и 1.4.5. разбирается специфика организации каждого из подполей («Скупость», «Жадность», «Расточительность», «Бережливость», «Щедрость»); особое внимание уделяется тому, как распределен составляющий их лексический массив по указанным секторам. Ярче всего в языке концептуализируются смыслы «признак», «носитель признака» и «действие».

Смысл «носитель признака» более всего выражен лексикой подполей «Скупость», «Жадность» (355 из 544 и 149 из 285 единиц соответственно). В этих подполях модификации данного смысла могут осуществляться с учетом следующих параметров: а) пол субъекта (дон. *скúгорка* 'скупая женщина', ленингр. *большúха* 'жадная женщина'); б) интенсивность проявления признака (олон. *скупердýище* 'очень скупой человек', ворон. *грабúла* 'очень жадный человек'); в) особенности проявления признака (перм. *звúкалец* 'скупец, скряга, считающий по ночам деньги'); г) «сфера приложения» признака (перм. *мякúнное брюхо* 'о жадном до еды человеке'). В подполях «Расточительность» и «Бережливость» обращает на себя внимание множество номинаций женщины – носителя признака. При квалифицировании женщины как бережливой либо расточительной актуализируются такие черты ее образа, как хозяйственность (ленингр. *кукóвница* 'бережливая хозяйка', горьк. *золотáя рýбка* 'о расточительной, бесхозяйственной женщине') и усердие (ср.-урал. *эконóмница* 'экономная, рачительная хозяйка', арх. *развéя* 'нерадивая, расточительная хозяйка, мотовка').

Сема «признак» играет наиболее значимую роль в подполе «Щедрость» (где она представлена в 26 лексических единицах из 78), что свидетельствует о стремлении номинатора в первую очередь охарактеризовать субъекта, проявляющего щедрость. Для выражения этого смысла в дефинициях приводятся различные определения: дон. *щéрый на руку* 'щедрый', арх. *размáшистый* 'нескупой, щедрый', диал. шир. распр. *простóй* 'нежадный, добрый, щедрый' и др. Признаковый участок является довольно объемным также в подполях «Скупость», «Жадность» (85 и 69 реализаций соответственно).

Сема «действие» занимает самую сильную позицию в подполях «Расточительность» и «Бережливость» (267 из 426 и 136 из 248 реализаций соответственно), ср. твер. *лелéять* 'экономить, беречь, копить', волг. *завúзывать в узелóк* 'экономно расходовать, копить деньги', томск. *нанжúровать* 'тратить, транжирить', самар. *рукавóм разнести́* 'растратить, промотать (деньги, состояние)'. Единицы «процессуального» участка

подполя «Расточительность» могут приращивать дополнительные смыслы и указывать на: а) фазу процесса (иркут., сиб. *загрэзить* ‘начать вести расточительную или беспутную жизнь’); б) объект, на который расходуются деньги (моск. *запивать* ‘пропивать, растрчивать что-л. на пьянство’, костр. *прошуикáливаться* ‘расходовать, тратить все, многое на табак; проматываться на курении’); в) способ растрчивания (сев.-двин., тамб. *прокозыряться* ‘проиграться, промотаться’, тамб., краснояр. *начичи́к подобраться* ‘промотаться, щеголяя и бражничая’).

Специфичен «процессуальный» сектор подполя «Щедрость». Его составляют глагольные единицы совершенного вида (без указ. м. *порастормошиться* ‘расщедриться’, р. Урал *снять рубáшку* (для кого-л.) ‘проявить чрезвычайную щедрость’), что отражает, вероятно, представления о невозможности постоянно проявлять щедрость. Объем этого участка (27 единиц) свидетельствует о стремлении носителя языка зафиксировать каждый акт проявления щедрости, безвозмездной отдачи.

Семы «признак действия» и «качество» представлены во всех подполях менее всего — вероятно, в силу их большей абстрактности.

Таким образом, числовое соотношение репрезентантов основных смыслов в исследуемых подполях показало, что при концептуализации идей скупости, жадности и щедрости на первый план выходит фигура субъекта ситуации (носителя соответствующего качества); при языковом воплощении идей расточительности и бережливости упор делается на действия субъекта по отношению к собственности. Такая расстановка акцентов, по всей видимости, связана с тем, что скупость, жадность и щедрость — весьма устойчивые качества, для проявления которых существуют постоянные, социально закрепленные сценарии; условия для проявления расточительности и бережливости в рамках социального взаимодействия создаются реже — эти качества могут обнаруживаться или не обнаруживаться в зависимости от обстоятельств.

В *параграфе 1.4.6.* рассматриваются системные семантические отношения между единицами разных подполей внутри изучаемого поля. Анализ ведется на примере элементов, называющих носителя признака (субъекта собственности). Так, отношения противопоставления связывают пары ‘расточительный человек’ — ‘бережливый человек’; ‘скупой человек’, ‘жадный человек’ — ‘щедрый человек’.

Элементы пары ‘расточительный человек’ — ‘бережливый человек’ реализуют признак «отношение человека к своей собственности». Значение ‘расточительный’ вступает в отношения «негативной симметрии» со значением ‘бережливый’: первый растрчивает имущество / хозяйство, второй берегает его (арх. *раздава́ха* ‘небережливый человек, мот; плохой хозяин, хозяйка’, свердл. *гоношун* ‘расчетливый хозяин’).

Формирование оппозиции ‘скупой человек’, ‘жадный человек’ — ‘щедрый человек’ имеет более сложные основания: помимо компонента «отношение человека к собственности (в том числе чужой)» приведенные значения включают еще и компонент «позиция человека относительно

других людей». Для того, кто скуп и жаден, характерна не только страсть к приобретению и приумножению собственности, но и нежелание тратить, отдавать другим эту собственность. Щедрый же характеризуется прямо противоположно: он тратит, расходует, охотно делится с другими.

Другой вид отношений, в которые вступают элементы исследуемых участков, — отношения градуальности, при которых элементы пар различаются по степени проявления признака: 'бережливый человек' → 'скупой человек'; 'щедрый человек' → 'расточительный человек'. Переход от одного значения к другому происходит вследствие добавления семы «интенсивность», что также влечет за собой изменение оценки с положительной на отрицательную. Нередко этот вид отношений отражен уже в дефинициях к лексемам, ср.: смол. *гнѣпа*, *гнѣпун* 'скряга, слишком расчетливый человек', арх. *обходительный* 'щедрый, расточительный'. Часто соответствующие характеристики являются разными значениями одного и того же слова, расположенными в закономерной последовательности: твер. *рахманый* 1) 'не жадный, не скупой, щедрый'; 2) 'бесхозяйственный, расточительный, беспечный'; курск. *кукѡбница* 1) 'хорошая хозяйка; бережливая, запасливая хозяйка'; 2) 'скупая женщина, скопидомка'.

Выделяются также отношения смежности, которые наблюдаются между значениями 'скупой человек' — 'жадный человек'. Они обусловлены семантической близостью этих характеристик, что влечет за собой частое их неразличение в словарях, ср. калин. *жмѡль* 'жадный, скупой человек'.

Во **ВТОРОЙ ГЛАВЕ «Мотивационное своеобразие лексико-семантического поля “Качественная характеристика человека по отношению к собственности”»** исследовательское внимание переносится с семантики лексических единиц на их мотивацию. Цель главы — реконструировать наивные представления носителей языка о качествах человека, проявляемых по отношению к собственности, которые запечатлены во внутренней форме слов и фразеологизмов. Мотивационному анализу лексики подполей «Скупость», «Жадность», «Расточительность», «Бережливость» и «Щедрость» посвящены отдельные параграфы. Их предваряет раздел, в котором описываются принципы обработки и интерпретации материала.

Изучаемая лексика рассматривается «ретроспективно», с точки зрения воплощенных в ней мотивационных моделей. Интерес к этой стороне номинативного процесса обусловлен многообразием способов воплощения одного и того же смысла, характеризующего человека по отношению к собственности, что говорит о богатом арсенале мотивационных моделей, лежащих в основе анализируемой лексики. В то же время исследуемые слова редко выступают в качестве мотивирующих по отношению к лексике других семантических областей, имеют скудную семантическую деривацию.

Таким образом, базовая единица анализа в главе — мотивационная модель, фиксирующая регулярное проявление в лексических единицах одного и того же мотивационного признака, релевантного для носителя

языка при номинировании реалии. Важно выяснить причины обращения языкового сознания к тому или иному признаку, определить мотив номинации. Внутри каждого подполя мотивационные модели группируются в тематические коды на основании принадлежности к одной денотативной сфере, что позволяет определить направление и закономерности взаимодействия лексики изучаемых подполей с другими семантическими областями.

Мотивационное пространство семантического поля «Качественная характеристика человека по отношению к собственности» формируют семь тематических кодов, которые имеют разную степень детализации и разработанности в каждом из подполей: «**Деятельность / действия**» (арх. *перевóдник* ‘расточитель’, пенз. *прижѳма* ‘жадный, прижимистый человек’), «**Человек**» (костр. *дрожжерѳкий* ‘скупой, жадный, склонный к крохоборству’), «**Еда**» (арх. *не́насыть* ‘жадный человек’, без указ. м. *са́хар (медóвич)* ‘расточитель, мот’), «**Предметный мир**» (смол. *закирпичѳть* ‘стать черствым, скупым, превратиться в скрягу’), «**Мифология**» (зап.-сиб. *асмоде́й* ‘скряга’), «**Животные**» (орл. *соба́кин* ‘прозвище жадного, наглого человека’, карел. (рус.) *буба́рка* ‘о злом, жадном человеке’ ← ‘земляная блошка, навозный жук, любое насекомое’), «**Движение**» (карел. (рус.) *махáвка* ‘женщина, которая легкомысленно тратит деньги, транжира’, ряз. *кача́ла* ‘мот, пьяница’). Наиболее продуктивными можно считать коды «Деятельность / действия», «Человек», «Еда», «Предметный мир»: лексика, образованная в их рамках, встречается во всех исследуемых подполях. Напротив, коды «Мифология», «Животные», «Движение» проявляют свой мотивирующий потенциал по отношению к какому-либо одному из изучаемых подполей («Скупость», «Жадность» и «Расточительность» соответственно).

Кратко рассмотрим выделенные тематические коды на примере лексико-семантического подполя «Скупость».

«**Деятельность / действия**». Код основан на осмыслении связи между качествами человека, проявляемыми по отношению к собственности, и характером совершаемых им действий.

В образе скупого человека характеристику по типу совершаемых им действий можно считать ключевой, поскольку большинство лексических единиц, составляющих подполе, мотивировано глагольными основами. По языковым данным, все действия скупца могут быть разделены на четыре группы: активные, кумулятивные, интерактивные и «автореферентные». При «оязыковлении» активных действий продуктивны глаголы, выражающие идею интенсивной деформации объекта: *жать* (ср.-урал. *жимѳло* ‘скупой человек, скряга’, новосиб. *ужимáться деньгами* ‘быть скупым по отношению к деньгам’, волог. *зажѳмистый* ‘скупой, бережливый, расчетливый’), *мять* (ворон. *мя́тила*, пск., твер. *кожемя́к* ‘скряга’), *тянуть* (новг. *стяжѳстый* ‘прижимистый, склонный к накопительству’), *колоть / колотить* (костр. *о́колоть* ‘о скупом человеке, у которого

невозможно что-либо выпросить', костр. *колотли́вый* 'такой, у которого копейку не выпросишь, жадный') и др.

Часть лексических единиц мотивирована обозначениями кумулятивных действий: *копить* (яросл. *скопу́шка* 'скупая женщина', волог. *ископи́льник* 'скряга'), *гоношить* 'хлопотливо заниматься каким-нибудь хозяйственным делом; копить, собирать что-либо в одно место' (перм. *гоношли́вый* 'склонный к накопительству, приобретениям, скупой'), *гомзить* 'копить деньги' (без указ. м. *гомзи́ла* 'о том, кто копит деньги, скряга, скупой', курск. *гомзи́ха* 'скряга, скопидомка'), *наживать* (арх., новг. *нажи́вщик* 'стяжатель'). В некоторых словах реализован признак 'заботиться о собственном имуществе': олон. *ра́чить* 'скупиться, жалеть, не хотеть сделать что-либо', новосиб. *обихо́дство* 'скопидомство, скарედность' ← 'забота по хозяйству, поддержание в доме чистоты и порядка'.

Ряд мотивировок указывает на совершение скупым интерактивных действий. Использование при образовании слов в качестве мотивирующих глаголов *не давать, не делиться, прятать* (пск., твер. *неда́ха* 'скупой человек, отказывающий в помощи, избегающий трат, издержек, расходов', смол. *неподели́стый* 'скупой, не любящий делиться с другими', тюмен. *пря́чливый* 'склонный прятать что-либо; скупой') отражает ситуацию проявления скупости в актах бытового взаимодействия. Мотив «прибеднения» скупца эксплицируется в лексических единицах, производных от глаголов *плакать* (новг. *упла́кать* 'поскупиться'), *ханькать* 'плакать' (перм. *ханю́ка* 'скряга, скупец, кулак'). Еще одну группу лексем мотивируют наименования таких негативно оцениваемых действий или видов деятельности, как взятие откупа (волог. *калы́мщик* 'скупой человек' ← 'взяточник; человек, который ничего не делает безвозмездно'), спекуляция (твер., арх., волог. *макла́чить* 'торговаться; скряжничать; наживаться, богатеть за чужой счет' ← *маклак* 'перекупщик, маклер'), приобретение собственности обманным путем (влад., калуж. *альи́ря*, волог. *альи́ри́к* 'скупой человек, скряга' ← 'перекупщик, обманщик'), попрошайничество (костр. *кля́нча* 'скупой человек', новг. *скули́ть* 'скупиться, скряжничать' ← 'надоедливо, плаксивым тоном выпрашивать, клянчить что-либо').

Внутренняя форма некоторых лексем показывает, что скупцу присущи также «автореферентные» действия. В них реализуется идея воздействия на психофизическую организацию самого субъекта, когда человек оказывается сжигаем какой-либо эмоцией / мыслью / желанием изнутри (влад. *изжо́га* 'скаредная женщина', зап. *запека́нец* 'скряга, скупец'). Представления о внутренних мучениях скупца при необходимости отдавать что-либо свое другим отражены в модели 'скупой' ← 'тот, который жалеет' (свердл. *жа́лкий* 'скупой', пск. *жа́ло* 'скупец, скряга', без указ. м. *разжа́литься на грош* 'проявить скупость'⁴).

---

⁴ Этимологически слово *жалеть* связывается в конечном счете с и.-е. *g"él 'колоть, жалить', 'испытывать боль' (например, от укуса пчелы).

«**Человек**». В лексике русских говоров посредством данного кода отражены представления о субъекте ситуации скупости. Основные признаки и свойства скупца, попадающие в поле зрения номинатора, — это соматика, личностные качества и положение в социуме. К отмеченным в языке элементам анатомо-физиологического облика скупца относятся: руки (ворон. *жить в кулак* ‘быть скупым’, волг. *из рук не вывалится* (что у кого) ‘о скупом человеке’), особенности телосложения (калин. *сху́ша* ‘скупой, жадный человек’ ← ‘о сухощавом, худощавом человеке’, пск., твер. *издо́хлица* ‘скряга’, арх. *мо́ра* ‘о скупом человеке, скряге’), характерные колебательные движения (волог., влад. *дрожи́ть* ‘очень беречь, скупиться’, простонар. *судо́ржаться* ‘скупиться на расходы, скаредничать’).

Конкретизация черт характера, присущих скупому человеку, осуществляется посредством развития вторичных значений у единиц с семантикой злости / жестокости (терск. *злыда́рить* ‘скупиться, «собирать остатки»’, олон. *жестокóй* ‘скупой’), неискренности (костр. *подхали́м* ‘скупец’).

Ряд мотивировок позволяет прояснить народные представления о положении скупца в социуме. Все они рисуют портрет человека, исключенного из традиционного общежития по различным причинам, как то: принадлежность к чуждому этносу (орл., вят. *тата́рин* ‘о скупом человеке’), иное вероисповедание (свердл. *ката́лик* ‘скряга, скупец’, волог. *кережа́к*, *кержа́к*, *кыржа́к* ‘то же’, курск. *острия́т* ‘то же’ ← *австрия́к* ‘член Австрийского согласия староверов’), особенности речевой деятельности (пск., твер. *брезга́* ‘скупой человек, скряга, мелочный человек’, ср. литер. *брюзга́* ‘тот, кто имеет обыкновение брюзжать; ворчун’), излишняя сосредоточенность на себе (пск. *недосу́жий* ‘скупой’), пренебрежение общепринятыми нормами поведения (тамб., яросл. *окоё́мный* ‘скупой’ ← *окоёмный*, *окаёмный* ‘находящийся вне чего-либо’).

«**Мифология**». Мотивационный ресурс для создания лексики подполя «Скупость» предоставляют имена мифологических персонажей, в основном библейских, являющихся своеобразными эталонами злости и жестокости: влад., костр., яросл. *амáн* ‘скряга, скупец’ (ср. *Аман* ‘высший чиновник при дворе персидского царя Артаксеркса, непримиримый враг иудеев’), зап.-сиб. *асмоде́й* ‘скряга’, волог., дон., курск. *áспид* ‘скупой человек, скряга’, арх., яросл., волог., олон. *áред* ‘чрезвычайно скупой человек’ (ср. *Иаред* ‘старик, живший, по библейскому сказанию, около тысячи лет’), калуж. *и́ода* ‘жадный, скупой человек, скряга’, моск. *и́рид* ‘скупой человек’ (возможно, контаминация слов *аред* и *ирод*, ср. *Ирод* ‘царь Иудеи в I в. до н. э., отличавшийся крайней жестокостью’) и др. Лишь одна номинация — олон. *крез* ‘прозвище скупого человека’ — отсылает к персонажу, в образе которого доминирует идея богатства.

«**Еда**». В лексике русских говоров отражены представления об устойчивых пищевых пристрастиях скупца. Языковые факты свидетельствуют о том, что маркерами скупости становятся: употребление человеком в пищу некачественных продуктов, чаще всего съедобных отходов

(пск., твер. *ботвінник* 'скряга', пск. *мякінник* 'о скупце', яросл. *кочерѣжничать* 'скупиться, быть жадным', олон. *кисельны выжимки* 'о скупом, скряге', яросл. *ошурник* 'скупой человек, скряга; крохобор' < *ошурки* 'вытопки от сала'), ограничение себя во вкусной еде (пск. *недосластка* 'скупая женщина', сиб. *водохлѣб* 'человек, не употребляющий ни вина, ни чаю, ни кофе из скупости', пск., твер. *кишѣчник* 'жадный человек, скряга, кто ест кишки, хотя бы мог есть и говядину'), лимитирование количества потребляемой пищи (диал. *шілом горох хлебает, да и то отряхивает* 'о скупом человеке', олон. *скупоед* 'скряга, скупой человек', пск. *кто скуп, у того голоден пуп* 'о скряге, скупце').

«Предметный мир». Концептуализация идеи скупости возможна через соотнесение этого качества с физическими свойствами предметных реалий. Одно из них — способность некоторых материалов стойко выдерживать разрушительное воздействие, что отражено в модели 'скупой' ← 'не поддающийся давлению' (волог. *железная просвіра* 'о скупом или жестоком человеке' и др.). Признак 'согнутый, изогнутый', переосмысляемый как желание человека «грести под себя», мотивирует появление семантики скупости у таких лексем, как костр. *крюк*, петерб *скоба́*, олон. *коряга* 'скупой человек, скряга'.

В словах с семантикой скупости могут быть отражены обозначения различных небольших предметов — тех, которые копит скупец. Среди них крохи (волог. *крошоборник* 'скупой человек, крохобор'), капли (новг. *не пролей капли* 'о скупом'), иголки (пск., твер. *игольничать* 'проявлять чрезмерную скупость, скряжничать'), рваная одежда (бурят. *ремѣшний* 'скупой, собирающий всякий ненужный хлам, тряпье', ср. диал. шир. распр. *ремкі́* 'куски, лоскутки ткани, одежды'), мелкие деньги (пск., твер. *полушечник* 'скряга', иван. *грошовник* 'мелочно-расчетливый, скупой человек, скряга', новг., влад., нижегор. *алтынник* 'жадный, скупой человек').

Некоторые номинации являются производными от обозначений емкостей или мест для складирования приобретенного / накопленного имущества: урал. *гаманя́нка* 'скопидомка' (ср. диал. шир. распр. *гаманок* 'кожаный мешочек для денег, табака и т. п., кошелек'), забайк. *кубы́шник* 'скупой, жадный человек', вят. *клеть* 'скупой человек, скряга' (ср. литер. *клеть* 'нежилая постройка для хранения имущества, кладовая'), перм. *доможи́р* 'скопидом, скряга'.

Анализ набора тематических кодов позволяет предположить причины обращения к ним со стороны носителя языка. Все тематические коды в исследуемых подполях отражают некую стереотипную прототипическую ситуацию, являя собой ее компоненты: субъект, объект, предикат, обстоятельство и атрибутив. При этом обязательными для представления ситуации признаются компоненты субъект (код «Человек»), объект (код «Предметный мир», частично код «Еда») и предикат (код «Деятельность / действия»). При этом «удельный вес» их в разных подполях неодинаков. Так, для подполей «Скупость», «Бережливость»,

«Расточительность» ядерным компонентом ситуации является предикат, а для подполей «Жадность», «Щедлость» — субъект. Компоненты обстоятельство (код «Еда») и атрибутив (коды «Мифология», «Животные», «Движение») имеют статус дополнительных, уточняющих. Такая организация тематических кодов свидетельствует об установке носителя языка на целостное восприятие ситуации, в которой проявляется то или иное качество человека по отношению к собственности, что подтверждает результаты семантического анализа.

Лексические единицы, принадлежащие разным кодам, обнаруживают переключки на уровне мотивов номинации. Изучение таких переключек позволило выявить значимые для каждого лексико-семантического подполя идеи.

Так, для подполя «Жадность» базовой является идея агрессивного захвата собственности (в том числе принадлежащей другим). Она выражается в первую очередь через мотив хватания: жадный человек собственность хватает, хапает, цапает, рвет, загребает (карел. (рус.) *хв́атистый* 'жадный', перм. *хапу́жистый* 'жадный, прижимистый', ворон. *заца́пистый* 'стремящийся присвоить, захватить многое', пск., твер. *нары́вчастный* 'жадный на чужое', карел. (рус.) *загреба́ха* 'о жадной, корыстолюбивой женщине'). Активность этого действия служит причиной появления в портрете жадного соматических «деталей». При этом для номинирования отбираются названия органов, которые могут «захватывать» что-либо, быть вместилищем чего-либо, — *руки, глаза, рот, горло, глотка, живот*: пск. *руки грабущие* 'кто-либо падох до чужого, жаден', сиб. *загреба́стые глаза* 'жадный, скаредный человек', сиб. *го́рло широ́кое* 'жадный, скаредный', карел. (рус.) *жа́дная пасть* 'о жадном человеке', перм., костр. *ад* 'жадный человек' (← 'экспр. рот'), коми-перм. (рус.) *бруши́на* 'о жадном, прожорливом человеке'. Мотив захвата собственности подкрепляется сравнением жадного человека с хищными животными и птицами — волком, вороном, совой, чайкой: пск. *обхватáть как волки* 'о жадно, алчно захватывающих материальные блага людей', сев.-двин. *во́рон* 'жадный, злой человек', твер. *сови́ные глаза* 'о жадном, скупом человеке', сев.-рус. *ча́йкой па́дать* 'жадничать'.

Основная идея, выражаемая лексикой подполя «Скупость», — стремление скупца к единоличному владению собственностью. Эта идея реализуется с помощью мотивов одиночества (свердл. *пустерьга́* 'очень жадный, скупой человек'), «чуждости» (по национальному признаку — волог. *жид* 'скряга, скупец, скупой человек'; по конфессиональному признаку — свердл. *ката́лик* 'скряга, скупец', волог. *кержа́к* 'скупой человек, скряга'), нелюдимости (свердл. *кы́ра* 'скупой, жадный человек' ← 'угрюмый, нелюдимый человек'), злости, враждебности (влад. *зыдырь* 'скупой человек, скряга', калуж. *ворогу́ша* 'скупая женщина') неуступчивости (костр. *креме́нный* 'скупой, прижимистый', арх. *железно́й* 'о скупом или жестоком человеке') и др.

Другая важная идея — проявление активной позиции скупца по отношению к собственности. Скупец приобретает ее всеми возможными способами: выбивает, выколачивает, «выжимает», тянет, собирает (тамб., пенз. *колоты́рник* ‘скряга’, ср.-урал. *жимило* ‘скупой, скряга’, арх. *натягивать* ‘добывать состояние скряжничеством, вымогательством’, без указ. м. *сберидомничать* ‘скупиться’). Скупой человек предстает как активный деятель, «кузнец» своего состояния. Это обуславливает появление в пределах данного поля соматических образов, рисующих картину присвоения собственности. Центральным среди них оказывается образ рук — органа, непосредственно участвующего в процессе «добывания» собственности: коми (рус.) *ничего не выпускать из рук* ‘быть скупым’, карел. (рус.) *горсковатый* ‘скупой’ (← *горсть*), волог. *изноготник* ‘скупой человек, скряга’.

Для подполя «**Расточительность**» ключевой становится идея чрезмерности. Анализ языкового материала позволяет установить, что, по народным представлениям, мот — в сравнении с общепринятыми в традиционном социуме нормами — больше тратит (карел. (рус.) *расходник* ‘тот, кто неразумно расходует деньги’), громче разговаривает (пенз. *разбазлать* ‘истратить попусту, промотать’), шире шагает (перм. *широкий шаг* (у кого) ‘о привычке жить расточительно, неэкономно’), движется быстрее и интенсивнее (терск. *прошустриться* ‘истратить, израсходовать (все, многое), промотаться’), больше ест и пьет (моск., самар. *расхарчить* ‘израсходовать, растратить, промотать’, вят. *проестись* ‘истратить, промотать (средства, имущество)’, курск. *попропить* ‘пропить все, многое’, курск. *кабáцкая отáра* ‘о человеке, промотавшем все свое имущество’), комфортнее и богаче живет (моск., ряз. *роскóчный* ‘расточительный, неэкономный’, вят., пск. *прошиковаться* ‘потратиться, разориться, непомерно шикая’). Избыточная экспрессия, свойственная расточителю, является одной из причин негативного восприятия его социумом (ряз. *распúтный* ‘небережливый, расточительный’, петерб. *разврат* ‘расточитель, мот’).

Другая идея, релевантная для данного подполя, — нарушение целостности / уничтожение чего-либо. На этот результат направлен ряд действий расточителя: он рвет (твер. *прóрва* ‘мот, расточительный человек’, прикам. *клóчить деньги* ‘нерасчетливо, неразумно тратить, мотать деньги’), растаскивает, развеивает (тул., яросл. *растащíха* ‘транжира, мот’, пенз. *развэй* ‘нерадивый хозяин, расточитель, мот’), травит, сводит на нет имущество (амур. *травить деньги* ‘нерасчетливо, неразумно тратить, быть расточительным’, пск., твер. *изнётить* ‘уничтожить, извести, промотать’), жжет, палит (терск. *жигнуть* ‘спустить, растратить (средства) в один момент’, урал. *палить* ‘нерасчетливо тратить деньги’). Эта идея распространяется на субъект (перм. *дыра́ в руках* ‘о неэкономном хозяине’), объект (яросл. *пустодóмка* ‘плохой, беспечный хозяин; тот, кто тащит из своего дома’), на характеристику жизнедеятельности в целом (без указ. м. *сквозновáто* (*живу́т*) ‘мотовато, все насквозь проносят’).

Наиболее существенными идеями, которые репрезентирует лексика подполя **«Бережливость»**, оказываются идеи умеренности и сохранения собственности. Умеренность проявляется в поведении бережливого (карел. (рус.) *воздёржный* 'скупой, бережливый', карел. (рус.) *скрómный* 'экономный, бережливый'), в его умении тратить медленно (иван. *кадiть* 'экономно, расчетливо расходовать что-либо; тянуть'), рассчитывать ресурсы (орл. *поцётливый* 'любящий считаться, расчетливый'), ограничивать себя (карел. (рус.) *неширокó* 'бережливо, экономно', карел. (рус.) *туго* 'расчетливо, бережно расходуя'). Идея сохранения собственности транслируется через указание на кумулятивные действия бережливого: он бережет, экономит (карел. (рус.) *сберегáтельный* 'бережливый, экономный', ср.-урал. *эконóмница* 'экономная, рачительная хозяйка'), блюдет, стережет, пасет / спасает (новг. *соблюдкий* 'бережливый', перм. *сторóжский* 'бережливый; бережно относящийся к кому-, чему-л.', вят. *испасáть* 'беречь, запасать что-либо'), копит, наживает (карел. (рус.) *соскопiть* 'собрать, сберегая, скопить', карел. (рус.) *разживáть* 'копить, собирать, наживать имущество'), заботится (карел. (рус.) *забóчий* 'хозяйственный, бережливый') и т. д. Отрицательно маркируются в лексических единицах некоторые интерактивные (разбойничать, перепродавать) и активные действия бережливого, которые выражают идею интенсивной деформации объекта (бить, мять, жать, колотить).

Для подполя **«Щедрость»** главной становится идея социальной ориентированности субъекта собственности. Наиболее ярко она проявляется в указаниях на интерактивные действия, которые, по народным представлениям, совершает щедрый человек: он дает (яросл. *многодáтельный* 'щедрый', тул., курск. *отбúхать* 'расщедрившись, дать кому-либо много, отвалить'), заботится о ком-либо, старается для других (прибалт. *разрáчиться* 'раскошелиться, расщедриться'; волог. *тчiвый, члiвый* 'щедрый, великодушный', нижегор., вят. *разчiвиться* 'расщедриться, раздобриться', ср. *тицiться* 'стараться, ревностно заботиться, прилагать свое старание, усилия'). Иногда, «не понимая» целесообразности таких действий щедрого человека, носитель языка трактует его поведение как расточительное (пск., твер. *размахáться* 'стать слишком щедрым', моск. *распырiть* 'расщедриться, истратить много (денег) на кого-, что-либо' ← *распырiть* 'разбросать'). Успешной коммуникации с окружающими способствуют и личностные качества щедрого: доброта (арх. *раздобрéть* 'неожиданно проявить щедрость'), умение ладить (влад. *поклáдчивый* 'щедрый, не жадный'), обходительность (арх. *обходiтельный* 'щедрый, расточительный'), мягкость, кротость (пск., твер. *рыхлiть* 'проявлять щедрость', карел. (рус.) *талодúший* 'полный желанием поделиться всем, что имеет; щедрый'). Такое качество, как бесхитрость, воспринимается иронично (новг., арх. *простофiля* 'нежадный, бескорыстный человек', краснодар., калуж. *простоды́р* 'чересчур добрый, бескорыстный').

Составные части изучаемого поля — лексико-семантические подполя «Скупость», «Жадность», «Расточительность», «Бережливость»,

«Щедрость» — нередко вступают в донорско-реципиентные отношения. Например, единицы подполя «Бережливость» могут мотивировать лексику, относящуюся к подполю «Скупость» (хакас. *эконóмщик* ‘жадный, скупой человек’, олон. *рáчить* ‘скупиться, жалеть, не хотеть сделать что-либо’), а единицы подполя «Щедрость» мотивируют слова, включенные в подполе «Расточительность» (твер. *рахмáнный* ‘не жадный, не скупой, щедрый’ ← ‘бесхозяйственный, расточительный, беспечный’).

Еще один вид отношений, в которые вступают подполя, — отношения противопоставления. «Антонимичность» подполей «Скупость» и «Щедрость», «Расточительность» и «Бережливость» проявляется в наличии в них «симметричных» моделей, в которых отражена поляризация основных мотивационных признаков. Ср., например, некоторые из контрастных характеристик *скупого* и *щедрого*: ▪ ‘не дает собственность’ (пск., твер. *недáчливый* ‘крайне экономный, скупой’) // ‘дает собственность’ (пск., моск. *подáтный* ‘добрый, щедрый’); ▪ ‘не угощает других’ (сиб. *куском обнесёт* ‘о скупом, недобром человеке’) // ‘угощает других’ (сиб. *столовáть на столы́* ‘готовить угощение’ — «Она хорошо столует на столы, хороша, щедра хозяйка»); ▪ ‘жесткий, неуступчивый’ (свердл. *твѣрденький* ‘скупой’, влад., калин. *крѣпкий* ‘бережливый, скупой’) // ‘мягкий, уступчивый’ (пск., твер. *рыхл́иться* ‘проявлять щедрость’). Ср. также характеристики *расточительного* и *бережливого*: ▪ ‘не думает наперед’ (перм. *одновы́денный* ‘расточительный, небережливый’) // ‘думает наперед’ (карел. (рус.) *неодновы́денный* ‘расчетливый, экономный’); ▪ ‘тратит быстро (за раз)’ (арх. *зарáзный* ‘любящий мотать, прогуливать деньги; живущий одним днем’) // ‘тратит медленно’ (нижегор. *накамáдить* ‘накопить, сберечь’, восходящее к праслав. *kamъditi, которое соотносится с *komuditi ‘задерживать’, *muditi ‘медлить’); ▪ ‘не заботится о доме’ (волог. *расточидóмок* ‘транжира, мот’) // ‘заботится о доме’ (ворон. *домáч* ‘экономный разумный хозяин, умеющий беречь все домашнее’).

Результаты семантико-мотивационного анализа языковых фактов, репрезентирующих представления о скупости, щедрости, жадности, бережливости и расточительности, позволяют утверждать, что, с точки зрения норм традиционного общежития, наиболее приемлемыми могут быть признаны такие качества, проявляемые по отношению к собственности, как щедрость и бережливость. Однако грань между положительными качествами и ближайшими к ним отрицательными очень зыбка; на языковом уровне это проявляется в возможности объединения семантики бережливости с семантикой скупости, семантики щедрости — с семантикой расточительности. С другой стороны, из-за того, что щедрость и бережливость укладываются в нормы социального взаимодействия, языковые «портреты» данных качеств являются неяркими, номинации — немногочисленными. Такие качества, как скупость, жадность и расточительность, не вписываются в рамки нормативного поведения, предстают как отрицательные, требующие «диагностических» номинаций, следовательно, получают более масштабное выражение в языке. Интересно

отметить, что, с точки зрения народной этики, ни один из представленных вариантов отношения к собственности не может быть признан образцово-нормативным.

Таким образом, представления об исследуемых качествах человека занимают видное место в системе народных воззрений на взаимодействие индивида и общества, требующих лексической объективации. Это связано с условиями крестьянского общежития. Городская жизнь, будучи значительно более «индивидуализированной», не создает условий для столь тесного взаимодействия «собственников», поэтому данные литературного языка могут воссоздать несколько иные языковые портреты.

В ЗАКЛЮЧЕНИИ подводятся итоги произведенного в диссертационном исследовании анализа, намечаются перспективы дальнейшей разработки темы.

В ПРИЛОЖЕНИИ приводится словник, включающий языковые единицы лексико-семантических подполей «Скупость», «Жадность», «Бережливость», «Расточительность» и «Щедрость».

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в рецензируемых научных журналах, определенных ВАК РФ:

1. *Едалина А. А.* Особенности лексико-семантического поля «Отношение человека к собственности» / А. А. Едалина // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2010. № 1 (72). С. 93–101. (0,4 п. л.)
2. *Едалина А. А.* Русская диалектная лексика со значением жадности: мотивационный анализ / А. А. Едалина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 2 (22). С. 31–36. (0,4 п. л.)
3. *Едалина А. А.* Лексика со значением расточительности в русском языке: к проблеме национального характера / А. А. Едалина // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 229–235. (0,5 п. л.)

Другие публикации:

4. *Кубасова (Едалина) А. А.* Семантическая структура поля «Отношение человека к собственности» в русских народных говорах / А. А. Кубасова (Едалина) // *Linguistica juvenis*: сборник научных трудов молодых ученых / отв. ред. Т. А. Гридина. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. Вып. 3. С. 96–107. (0,6 п. л.)
5. *Едалина А. А.* Характеристика человека по его отношению к собственности в русских народных говорах / А. А. Едалина // Ономастика и диалектная лексика: сборник научных трудов / отв. ред. М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. Вып. 5. С. 159–168. (0,5 п. л.)

6. *Едалина А. А.* Опыт ономаσιологического портретирования / А. А. Едалина // *Linguistica juvenis*: сборник научных трудов молодых ученых / отв. ред. Т. А. Гридина. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2006. Вып. 7. С. 81–88. (0,5 п. л.)

7. *Едалина А. А.* Характеристика человека по отношению к собственности в русских говорах: опыт реконструкции культурной семантики / А. А. Едалина // *Человек в мире культуры*: межвузовский сборник научных и научно-методических трудов / под ред. Мурзиной И. Я. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2006. Вып. 2. С. 111–116. (0,4 п. л.)

8. *Едалина А. А.* «Пищевая тема» в мотивации слов, характеризующих человека по отношению к собственности / А. А. Едалина // *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология*: материалы междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г.) / под ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 90–92. (0,1 п. л.)

9. *Едалина А. А.* Русская диалектная лексика со значением скупости: когнитивно-мотивационный анализ / А. А. Едалина // *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология*: материалы II междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г.) / [ред. кол.: Е. Л. Березович (отв. ред.) и др.]. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. Ч. 2. С. 26–28. (0,18 п. л.)

10. *Едалина А. А.* Взаимодействие семантических областей «Еда» и «Жадность» в русских народных говорах / А. А. Едалина // *Научный диалог*. 2012. № 12. Филология. С. 21–29. (0,5 п. л.)